

СЕРГЕЙ ТАМБОВСКИЙ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

ИМПЕРИЯ

18+

СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

Сергей Тамбовский
Империя
сосредотачивается. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70402666

SelfPub; 2024

Аннотация

Третья книга цикла "Империя у края", где герой пытается сделать перестройку с человеческим лицом

Сергей Тамбовский

Империя

сосредотачивается. Книга 3

Обком Обкомыч

Замки в двери нашей квартиры, конечно, были выбиты с мясом, ладно, что петли на месте остались. То же самое было и с дверью в комнату, а в самой комнате как будто бешеный бык потоптался, все вверх дном, телевизор разбит, видик тоже на полу валяется весь перекореженный, все бумажки из секретера разбросаны, где попало, на полу грязь и песок. На стенах были видны следы пуль, минимум в трех местах, ладно еще, что в стекла не попали. Сумел сказать только протяжное «о-хо-хо»...

– Чо делать-то будем? – спросила Аня, рассмотрев повреждения.

– Ну спать-то нам сегодня, похоже, уже не придется, давай прибери тут немного, а я дверями займусь, – ответил я, и тут меня прорвало, – ерунда все это, зая, главное, что живыми остались и что дела у нас, кажется, резко стали налаживаться... ты пока подумай, что наденешь, когда в обком пойдем.

Так вот попробовал резко переключить мысли Ани на

более понятные вещи, но получилось оно не очень, потому что она, сидя на корточках и собирая разбросанное, вдруг спросила:

– А там в мешке это ведь твой Сергей Викторович был, да?

– Да, Аня, он это был... поставил, к сожалению, не на ту лошадь, а за ошибки платить надо.

– А ведь в мешках вместо него запросто и мы могли оказаться, – совершенно трезво оценила ситуацию она.

– Да, Аня, могли... но не оказались, наша ставка сыграла, в отличие от сергей-викторычевой, и теперь мы кажется сорвали джек-пот...

– А это еще что за зверь такой?

– Джек-пот в переводе это банк, куш, главный выигрыш в лотерее... ладно, я пошел двери чинить.

Замок на входной двери был английский, защелкивающийся при закрывании, ответная часть на косяке была выдрана с мясом и висела на одном шурупе, а сам-то замок даже и не пострадал нисколько. Пошел на кухню, поковырялся в ящичке с инструментами (остался от дяди Федора такой), на дне там была куча разных винтов, гаек и шурупов, подобрал парочку подходящих, да и прикрутил на место эту ответную железяку на косяке... ну чуть в сторону сместил все хозяйство, то место, где оно ранее сидело, было разбито. Допуски и посадки у язычка были большие, все зашло буквально сразу, разве что молотком пришлось помочь немно-

го. Пойдет в первом приближении... а с комнатной дверью потом разберемся, все равно в квартире кроме нас никого нету.

Пока чинил замок, отвечал на недоуменные вопросы соседей по дому, как раз утро наступило, на работу все шли, вот и спрашивали, что это тут ночью за шум был, стреляли что ли? Успокаивал, как мог – мол, пьяный какой-то в нашу квартиру ломился, дверь вот сломал, пьяного я, мол, урезонил и в ментовку сдал, а выстрелов была парочка, да, у пьяного пугач самодельный обнаружился. Вроде достаточно убедительно наврал. Еще в процессе починки звонила мать, спрашивала, как я там... у Игоревича, слава те господи, хватило ума очень дозированно слить ей информацию о ночных событиях, так что успокаивать почти не пришлось. И еще декан Петрович звякнул, сказал, чтоб зашел к нему после учебы, насчет чего, не уточнил.

А дальше захожу я, значит, в нашу комнату, там уже Анята почти все прибрала, ну кроме телевизора разбитого конечно, я сказал, что все ОК, хозяйюшка ты моя, пойдем, дескать, на кухню попить кофе с бутербродами, а потом и на учебу уже пора бы отчаливать. И вот где-то посередине кофепития на этот раз прорвалоооо, день прорывов у нас случился:

– А ты ведь, Сергуня, походу в очень непростые дела влип, раз из-за тебя два таких серьезных ведомства воюют...

Я не стал отпираться:

– Походу да, влип, и тебя с собой потянул... но ты еще можешь спрыгнуть с подножки, пока поезд ход не набрал, подумай...

Анюта думать не стала и ответила мгновенно:

– Куда ж я от тебя денусь, дорогой, с атомной-то подводной лодки? Начинали вместе, продолжать тоже рядом будем.

Я ее обнял, посидели минутку так.

– Ну все, – хлопнул я в ладоши, – рота, подъем, выходи строиться! Нас там целый секретарь обкома заждался. А ты все-таки приоденься получше, не помешает.

Потом подумал и добавил:

– А ведь по случаю кончины Леонида Ильича-то занятия наверно отменят, хотя кто его там знает...

– Жаль его, – отозвалась Анюта, – хороший был дядечка, неизвестно еще, как там теперь вместо него этот твой... Гробачев управлять будет.

– А мы с тобой поможем Гробачеву, ага, чтоб он лучше управлял, – ответил я, – а пока будем наслаждаться «Лебединым озером» по всем каналам... по всем двум каналам в смысле.

Добрались мы до политеха достаточно шустро, грязно только на дорогах было, всю ночь дождик поливал, так что фонтаны воды по сторонам я достаточно регулярно выплескивал, ладно еще, что прохожих на улицах почти не было, одни Икарусы, такие же грязные, как и все остальное вокруг.

Как я и ожидал, прямо на входе в наш пятый корпус уже

поставили портрет Брежнева в траурной рамке, но команды отменять занятия пока не поступило, так что первую лекцию по начерталке я отсидел исправно. Вникать, правда, в суть того, что там мне пытались втирать, не было никакой возможности – мыслями я все продолжал перелезть с балкона на балкон и сидеть, дрожа, на чужом диване, обсуждая подробности анютиной вербовки. Но все в жизни когда-нибудь заканчивается, и начерталка наконец подошла к концу. Вспомнил, что Петрович просил зайти, зашел, чо...

Декан про наши ночные похождения не в курсе был, слава богу, ему надо было согласовать план перспективных исследований по моей лаборатории на следующий семестр, вот только об этом у меня сегодня голова не болела... но сел и стал согласовывать. Убедил начать работу по сетям, основные принципы стандарта Ethernet у меня в памяти сохранились, а детали, я так думаю, можно будет доработать в рабочем порядке. Интернет тоже пора бы начать прорабатывать, но ладно, отложим до следующего семестра, а пока локалками займемся. И безналичные расчеты с помощью пластиковых карточек, да... там поле непаханое, если в корень-то смотреть – начиная от бухгалтерской программы и заканчивая терминалами и банкоматами, но дорогу обычно осиливает идущий, а кто стоит или, еще хуже, лежит на диване, плюя в потолок, тот ничего не осилит, правильно? Петрович кажется остался доволен и отпустил меня мановением руки, я хотел выйти, но не успел, зазвенел большой красный теле-

фон у него на столе. Декан внимательно выслушал, что ему там говорили с той стороны трубки, коротко ответил «все понятно», потом обратился ко мне:

– Все дальнейшие лекции на сегодня отменяются, в час будет траурный митинг на площади.

Ну делать нечего, пошел в свою лабораторию и немного повозился с программой разводки печатных плат. Время как-то незаметно прошло, посмотрел на часы, тут и в Кремль пора бы собираться.

Быстренько вытащил Анюту с третьего этажа и вот мы оба двое уже мчим по улице Минина по направлению к одноименной площади. В сам Кремль меня естественно пока никто не пустил бы, я даже и пытаться не стал, благо машину сейчас легко и просто припарковать на площади между Арсенальной и Георгиевской башнями, а далее мы пешочком пошли через арочку в Дмитровской башне, символе, между прочим, нашего города, ее обычно на подарочных открыточках размещают. Потом вдоль Ивановского съезда, а вот и он, Горьковский обком КПСС, стеклобетонное здание по типу Дворца съездов в Московском Кремле, их где-то в одно время строили.

На входе мы с Анютой показали свои паспорта, их с чем-то там сверили и выкинули нам два пропуска. На четвертый, последний, этаж сказали идти (ну куда же еще – руководитель должен всегда быть на высоте), провожатого не дали, а и ладно. Народ в коридорах власти, как я посмотрел, был тих

и озабочен по самое не могу, ну еще бы, смерть генсека на своем посту в СССР всего второй раз случилась после 53-го года. А какая там новая метла на смену старой придет, и как и куда она мести будет, известно только богу... ой, основоположникам марксизма-ленинизма. Так что озабоченность обкомовского люда мне была очень близка и понятна.

О, а вот и приемная с красивой лакированной досочкой «Первый секретарь Горьковского обкома КПСС Чисторяднов Юрий Николаевич», изнутри доносится бесперебойный стук пишущей машинки, стучимся, заходим. Внутри довольно обширное помещение с секретаршей, тучной такой дамой весьма средних лет за столом с кучей телефонов и пишмашинкой – секретарша, к гадалке не ходи. Направо дверь, где сидит собственно Чисторяднов, налево его помощник. Фамилия у нашего руководителя, кстати, весьма прикольная, во вдоль и поперек атеистическом нашем обществе упоминать Христа, да еще в таком положительном контексте, как бы не очень-то и комильфо...

– Здравств, меня зовут Сергей Сорокалет, а это Аня Сотникова, у нас на 12 часов вызов к первому секретарю, – отбарабанил я, преданно глядя в выпуклые безразличные глаза секретарши.

Та устало поковырялась в пачке бумаг слева от себя, потом так же устало сказала нам посидеть пока вон там, щас мол совещание закончится, тогда уж... И продолжила барабанить на машинке. Ждали минут 20 наверно, потом дверь

открылась и оттуда пошли члены совещания, все как один в черных костюмах и озабоченные не хуже остальных обкомовских работников. На столе у секретарши зазуммерил телефон, она выслушала его, потом сказала про нас, потом велела одному из совещающихся задержаться, назвав его Валерий-Палычем, прямо Чкалов какой-то... так его и будем звать. Потом сказала нам с Анютой и этим Палычем заходить внутрь.

Кабинет первого секретаря впечатлял – площадь никак не меньше сотни метров, мягкие уютные ковры, стены, отделанные ценными породами дерева... орех это кажется был, по стенкам книжные шкафы с собраниями сочинений сами понимаете кого, длиннейший стол для заседаний с зеленой скатертью, слева от кресла первого лица стол, весь уставленный телефонами и пультами какими-то, ну и позади него конечно два портрета Ильичей, Ленина и Брежнева. Внушает, чо...

Чисторяднов вышел из-за своего стола и поздоровался со мной и Аней за руку, ничего себе...

– Сергей... эээ...

– Можно без отчества, просто Сергей, а это просто Аня, – мгновенно среагировал я.

– Очень приятно, а я значит Юрий Николаевич... пока с отчеством.

Надо ж, он и шутить умеет...

– Садитесь, – пригласил он нас за отдельный столик в уг-

лу, вокруг которого стояли мягкие кожаные кресла, – и ты, Валерий Палыч, присоединяйся. Чай-кофе будете?

Я переглянулся с Аней и сказал, что лучше давайте сразу к делу.

– К делу так к делу, – просто ответил Чисторяднов и перешел к делу.

– Мне тут звонок был от Михал Сергеича, – начал он и сразу почему-то замолк. Спустя 10 секунд паузы я решил помочь человеку.

– Ночью звонок был, да?

– Да, в 11, – наконец вышел из ступора Юрий Николаич, – Михал Сергеич короче просил обеспечить тебе защиту и помощь. Настоятельно просил. Защиту мы тебе вроде бы обеспечили, претензии есть?

– Ну что вы, что вы, Юрьниколаич, – быстро среагировал я, – вы нас с Анютой просто замечательно защитили, по гроб жизни благодарны вам будем. Если бы не вы, – и я сделал попытку всхлипнуть, не очень удачную.

– Ну ладно-ладно, – пресек мои артистические упражнения Николаич, – теперь насчет помощи... что конкретно надо и в каких объемах, можешь сформулировать?

Эвона оно что, подумал я, а мне ведь сейчас карт-бланш выписывают натуральный, только и успевай придумывать свои хотелки. Но следом пришла благоразумная мысль, что борзеть-то слишком не надо, дорогой ты мой Сергуня, а луч-

ше показать себя разумным и рачительным хозяйственником.

– Знаете, Юрьниколаич, так вот сразу я наверно что-то упусти, лучше подумать и на бумаге написать...

– Ну и славно, связь будешь держать вот через него, – и он показал на Чкалова, – дай ему свои телефоны.

– Вот разве что две просьбы есть, безотлагательные, – добавил я, глядя прямо в маловыразительные глаза первого секретаря. Он, как мне показалось, слегка напрягся, мало ли чего там сейчас этот протеже Горби потребует.

– Мы с Анютой хотим расписаться, а ей до 18 лет трех месяцев не хватает, помогите с этим делом, а?

– Беременность? – сразу взял быка за рога Чкалов. Анюта аж передернулась при этих словах.

– Ну нет, что вы, до этого слава богу еще далеко – а просто я очень сильно подозреваю, что очень скоро дела так сильно закрутятся, что будет не до этого, а тут как раз есть и время, и согласие, так сказать, сторон.

– Хорошо, – ответил после небольшой паузы Чисторяднов, – Палыч, помоги товарищам с этим делом. А вторая просьба какая?

– Можно нам съездить на похороны Леонида Ильича? Отдать, так сказать, дань уважения великому человеку... все-таки не каждый день у нас руководитель страны умирает... вот вы наверно были на похоронах Сталина? – наудачу закинул удочку я.

– Да, был... – ответил он, – но это к теме не относится. Ладно, подумаем и над этим вопросом – Палыч, сделай там себе отметку. У тебя все? Может у Анюты есть что-то? – обратился он напрямую к ней.

– Сергей уже все сказал, – ответила она, скромно потупив очи, – так что мне добавить нечего... кроме слов благодарности конечно.

– Вот и славно, что там у нас дальше в программе? – спросил он у Палыча, видимо уже забыв про нас. Мы быстро откланялись.

А спускаясь по лестнице где-то между 2 и 3 этажами я неожиданно узрел лысую голову Игоревича. Голова говорила с другой примерно такой же на довольно повышенных тонах. Мы с Анютой притормозили у окна, дождались окончания ругани и подошли.

– Здравия желая тц завотделом, – бодро поздоровался я.

– Ааа, с утра думал, что тебя... вас то есть здесь встречу, и точно ведь встретил. Я уже не завотделом, а завсектором кстати. И не в райкоме...

– Поздравляю с повышением! А мы с Анютой на днях женимся, приглашаю на свадьбы. И еще похоже мы на похороны Брежнева едем. Чисторяднов обещал.

– Экий же ты быстрый, как там это говорится... наш пострел везде поспел.

– Ну так жизнь заставляет, Станислав Игоревич, она у нас сегодня как велосипед – остановишься, упадешь, так что на-

до крутить педали... пока не дали.

– Правильная позиция, молодец. Ну ладно, у меня дела еще тут, а вы куда теперь?

– Занятия же в институте отменили, на митинг мы уже все равно опоздали, так что домой поедем наверно.

Вышли из обкома и поехали домой. Настроение было, честно сказать, не очень, и чем заняться в эти траурные дни, представлялось с трудом. Помогла Аня:

– Так у нас значит свадьба скоро?

– А ты как думала, белое платье, фата, подружки невесты, шафер-мафер, тамада-шмабода, все сопутствующие дела.

– Так надо ж все распланировать, ресторан там заказать, Чайку, загс...

– Загс можешь вычеркнуть, надеюсь, с этим делом нам Палыч поможет.

– Есть вычеркнуть загс, – весело ответила Аня. Идея свадьбы похоже полностью заняла ее воображение. – А ты что, отстраняешься от этого вопроса?

– Если что-то пойдет не так, я подключусь... кого в свидетели-то возьмешь?

– Хорошо бы Инку, но она далеко... а так можно и Веру... или Лену... или Олю... только эти ведь все сдохнут от зависти, так что лучше бы Инку. А ты кого возьмешь?

– Чисторяднова, – буркнул я, а потом добавил, – шутка, Валерика наверно или Андрюху – как думаешь, кто лучше подойдет?

– Не знаю, это ж твои свидетели будут, тебе и решать...

В этих препираниях и прошел весь наш остаток дня. Хотя нет, не весь – еще я замок в нашей комнате починил и остатки телевизора на свалку утащил. И набросал вчерне план мероприятий, который желательнее было бы осуществить на похоронах Ильича. И показал Аняте две новые позиции, почерпнутые мною когда-то из Кама-Сутры, давно хотел, но как-то руки не доходили, а тут дошли...

Похороны Брежнева

Чисторяднов оказался реальным пацаном в хорошем смысле этого слова, сказал-сделал – на завтра мне, значит, позвонил бравый сталинский сокол Валерий Палыч и продиктовал такие инструкции: во-первых твой брак с гражданкой Сотниковой регистрируют в Автозаводском дворце бракосочетаний (бывшая станция детской железной дороги Счастливая, такой, знаете, махровый сталинский ампи́р) ровно через неделю в 15 часов 00 минут, если возникнут проблемы, обращайтесь прямо к директору, да, и о свидетелях не забудьте... и паспорта возьмите... успеете подготовиться-то за неделю? Я ответил, что конечно, чо тут готовиться-то. Ну и во-вторых, твоя поездка на похороны Леонида Ильича утверждена, пропуск на Красную площадь получишь у меня, мероприятие на послезавтра намечено, о билетах на поезд и проживании в Москве, извини, придется самому позабо-

титься. Я спросил, а на Анюту пропуск будет? Он ответил, а зачем? Тогда я сказал, что это мой так сказать талисман, с ней у меня все дела делаются отлично, а без нее не все дела делаются... или делаются, но хреново. Тогда Палыч выразился в том смысле, что хрен с тобой, на два лица пропуск будет. Я сказал, что моя благодарность будет безмерна, дорогой Валерий Палыч, я перед ним в неоплатном долгу, который постараюсь вернуть в скором времени с процентами. Палыч хмыкнул и отключился.

Далее было два дня чехарды и приключений в поисках билетов, жилья в Москве и организации свадебных мероприятий. Билеты я с боем вырвал в воинской кассе, пришлось Игоревича подключать, с жильем очень просто решила вопрос Анюта, позвонив Инночке – та сильно обрадовалась и сказала, чтоб к ним приезжали, все равно одна комната пустая. Ну а свадебные дела я целиком на Аню повесил, чему она была только рада. На учебу мы, сами понимаете, на эти два дня забили, не до нее, когда в стране вон какие дела творятся. А свидетелем я таки Андрюху позвал, рядом живет, удобно. Да, а Вовчик с той ночи опять куда-то пропал, не видно и не слышно его было, а и ладно, не до него теперь.

Короче говоря, отправились мы в столицу на все том же самом старом добром Нижегородце 3 декабря 1977 года от Рождества Христова. В вагоне СВ, других билетов даже через воинскую кассу я не достал. Анюта исследовала советский железнодорожный бизнес-класс добрых полчаса, потом

уронила слезу и сказала, что я ее балую. Я в ответ тоже едва не прослезился, но удержался и сказал, что это, дорогая, тебе компенсация за ту тяжелую ночь, когда мы по балконам прыгали. Попили чаю, проводницы в этом классе кстати были куда как приветливее, чем в плацкарте, а потом заперли дверь и занялись сексом, Аняте было очень интересно проверить, правда ли, что люксовые условия придают этому делу новые ощущения. Когда закончили, спросил – ну и как там насчет новых ощущений? Она ответила, что не разобралась, надо бы повторить, но к сожалению творческие силы у меня подошли к концу и я ответил, что на обратном пути непременно, а сейчас извини, дорогая...

Утром само собой включилось поездное радио и там мы и услышали следующее: «Вчера в Москве состоялся внеочередной пленум ЦК КПСС. Пленум единогласно избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Гробачева Михаила Сергеевича. Также на пленуме в связи с переходом на другую работу были освобождены от своих постов Андропов Юрий Владимирович и Сулов Михаил Андреевич. Передаем краткую биографию товарища Гробачева...»

А первое, что мы увидели на перроне Ярославского вокзала, была Инна в дубленке и шикарной меховой шапке – ни дать, ни взять Джулия Кристи в роли Лары из известной экранизации «Доктора Живаго». И Миша Варлаков рядом конечно. Обнялись, расцеловались, сели в мишину шестерку и покатали к ним на Юго-Запад. Москва в трауре была,

да... очень много портретов Леонид-Ильича с черной окантовкой и народу на улицах почему-то практически не было. День нерабочим объявили, наверно поэтому.

В квартире Миши-Инны собрались позавтракать, оказалось, что у них хлеб закончился – ладно, сказал я, пойду прикуплю, заодно и ноги разомну, где тут магазин, я еще с прошлого раза запомнил. Вышел на улицу, очередной раз вспомнив, как по этому крыльцу шарился в дупель пьяный Женя Лукашин, подошел к магазину, тут в кармане завибрировала телефонная трубка, мы с Анютой взяли их с собой, мало ли какая необходимость связаться наступит. Не глядя нажал ответить:

– Да, Анята.

– А это не Анята, а Евгений Владиленович, помнишь такого?

У меня поначалу аж язык отнялся, но я постарался взять себя в руки.

– Конечно помню, дорогой Евгений Владиленович, как здоровье у Михал Сергеича?

– Нормальное у него здоровье.

– А как вы сумели на этот мой телефон-то позвонить? – задал я наконец волнующий меня более всего вопрос, – он же только с тремя такими же может связываться и я знаю, где все они...

– Наши специалисты не дурае тебя, разобрались, что к чему.

– О как... а побеседовать с этими вашим специалистами можно будет?

– Обязательно, – ответил обходительным голосом Владиленович, – но попозже, а сейчас в повестке дня немного другие вопросы. Михал Сергеич выразил желание побеседовать с тобой, у него сегодня окно между эээ... товарищами Ден Сяо-пином и Джимми Картером, 15 минут, подъезжай в шесть вечера к Троицкой башне, тебя проводят.

Когда вернулся, Аня с Инной были заняты жаркой дискуссией, что надевать и кого приглашать на свадьбу. Немного послушал, когда речь дошла о принципиальной возможности заключения брака для Ани (Слушай, тебе ж еще 18 нет, какая такая свадьба? – вдруг вспомнила Инна, на что Аня ей отвечала в том смысле, что фигня это все, нам сам первый секретарь обкома положительную резолюцию наложил), вмешался:

– Девушки, ерунда все это, подумаешь первый секретарь обкома, меня вот например 10 минут назад к самому Генеральному секретарю на беседу пригласили.

– Да ты чо?! – охнула Инна, – Гробачев в смысле пригласил?

– Ну не сам лично конечно, помощник его, Евгений Владиленович, в 6 часов вечера мы с тобой, Аня, должны стоять при полном параде и в состоянии повышенной боевой готовности возле Троицкой башни Московского Крем-

ля, построенной в конце 15 века итальянцем Солари, да... ты кстати подумай, чего надеть... Инна вот поможет, а то там в Кремле, сама понимаешь, встретят по одежке. Да, а через полчаса нам бы уже и выходить надо, а то не успеем к началу похорон.

С кухни подошел тем временем Миша, послушал наши разговоры и высказал накопившееся:

– А ты, Сергуня, похоже очень далеко пойдешь, если тебя в 18 лет руководитель страны на беседы вызывает...

– Да я знаю, Миша, – устало ответил я, – мне об этом уже не раз говорили. Пойти-то я может и пойду, но тут ведь главное, чтоб дойти куда-нибудь, правильно? А вот с этим пока проблемы...

Поехали на метро, во избежание. Ветка прямая, Юго-Западная – проспект Маркса, до станции идти 10 минут, почему бы и не. Но на проспекте Маркса нас сюрприз поджидал, станция работала только на вход, пришлось обходить под землей аж через Театральную... ну площадь Свердлова то есть. Лишних полчаса почти затратили, подошли к оцеплению возле Исторического музея тютелька в тютельку, в 12 ноль-ноль. Наши пропуска рассмотрели очень внимательно, чуть ли не просвет, но в итоге сказали проходить, но двигаться очень быстрым шагом вдоль Кремлевской стены, ваши места на трибунах такие-то, там покажут.

Пошли, чо... побежали практически, в последнем ряду у нас места были, стоячие, да и это хорошо, во-первых в декаб-

ре особо не насидишься на открытом воздухе, а во-вторых сверху все было видно гораздо лучше, чем например с первого ряда. Познакомились с соседями, парень, что слева долго тарасился на Анюту, потом сказал наконец, что видел ее в передачах по ТВ, она не стала отпираться. Парень оказался из Свердловского обкома комсомола, Антоном, сказал, зовут... неожиданно вспомнил, кто сейчас рулит в Свердловске.

– Кто там у вас сейчас руководитель-то? Не Ельцин?

– Он самый, Борис Николаич, крутой мужик, народ его уважает.

Да уж, крутой... хер с крутой горы... ладно, подумаем, как его крутость трансформировать во что-нибудь полезное. А справа генерал-майор был, судя по наградам, повоевавший немало. Мы представились, он в ответ назвал себя Владимиром Ивановичем, я высказал ему глубокое уважение, в двух словах обсудили смерть вождя и что теперь ждать... сошлись на том, что хорошего будет не слишком много.

Ну а дальше началось то, что вы и так все знаете – подъем Политбюро на мавзолей, поминальные речи, Гробачев первым говорил, потом Чистинов, за ним партийный секретарь с родины Ильича. Потом гроб на лафете, потом Политбюро спустилось вниз и шестеро первых лиц перенесли гроб к выкопанной возле Сталина могиле. Никаких инцидентов с опусканием гроба вниз на этот раз не возникло – гимн и орудийный залп последовали чуть позднее, поэтому никому

не пришла в голову идея, что гроб уронили. А далее загудели заводские гудки по всей Москве, почти у всех, кто рядом стоял, как я посмотрел, на глазах выступили слезы – ну еще бы такой кусок жизни прожили при Ильиче, не самый плохой, надо признать, а тут наступает эпоха перемен, в которую, по словам товарища Конфуция, он бы никому не пожелал жить.

А потом был парад, скромный такой, без танков и баллистических ракет, и совсем под занавес мимо могилы Брежнева прошли сначала члены иностранных делегаций, а потом и все остальные люди с трибун – мы с Анютой почти в самом хвосте шли.

Три часа, на Юго-Запад все равно не успеем, подумал я, пойдем, Анюта, прогуляемся по улице Горького, да в Шоколадницу что ли зайдем – жизнь-то продолжается, да? Пока ели блины, запивая горячим шоколадом, Аня продолжала меня пытаться деталями свадебной церемонии:

– Там еще, говорят, маленькую девочку надо, чтоб букет несла, где брать будем? И невесту обычно крадут по ходу дела – будем это организовывать? Ансамбль опять же надо, чтоб народ веселил.

– Ансамбль в своем коллективе вырастим – Арканю с Севой позову, Инна споет... а если не придет? Тогда Вера.

– А свадебное путешествие у нас будет?

– Ну ясен пень будет, в столицу мы теперь, насколько я понимаю в жизни, как на работу ездить будем.

– Не, Москва мне уже надоела, давай хоть в Ленинград съездим.

– Да хоть в Париж, но только немного попозже.

Ближе к шести выдвинулись к Троицкой башне, солдатик-вэвэшник на входе тоже долго смотрел на Аню и наконец решился сказать, что передачи с ней у них всей ротой смотрели. Аня спросила, кто солдатикам больше понравился, она или Инна, он подумал и ответил, что конечно же она, Аня. Она аж расцвела.

Пропуска нам быстро оформили и вот мы уже рассекаем по Троицкой улице мимо Дворца съездов втроем с серьезным товарищем в строгом коверкотовом пальто. Привел он нас, как оказалось, в Большой Кремлевский дворец, там, как сказал товарищ в пальто, проходят все встречи Михал Сергеича с руководителями иностранных делегаций. Их ужас сколько в Москву съехалось, под сотню, и со всеми бы надо поговорить.

Зашли, разделись в раздевалке, товарищ провел нас на второй этаж по шикарным мраморным лестницам с коврами. Здесь вот подождите, кивнул он на резные стулья в углу огромного зала, сели ждать, чо. Через некоторое время отворились двери в дальнем конце зала и оттуда вышла группа товарищей азиатской внешности, один из них показался мне смутно знакомым, поприветствовать что ли его, подумал я? А, была-не была, решило мое левое полушарие, судорожно вспоминая все знакомые китайские слова:

– Ваньшан хао, цюши Дзен ! (добрый вечер, председатель Дзен)

Он удивленно остановился, посмотрел на меня и ответил:

– Ди ни ар йен, ниньсин рен! (И вам того же, молодой человек)

Секьюрити в окружении Дзен а немного напряглись, но все обошлось. А тут и товарищ, который был в пальто, а теперь без, подоспел:

– Не нарушайте регламент, Сергей ээээ Владимирович, Михал Сергеич ждет вас – помните, что у вас 15 минут и ни секундой больше.

– А меньше можно? – чисто для галочки поинтересовался я.

– Проходите пожалуйста, – с трудом уже сдерживаясь, ответил товарищ, распахивая правую створку узорчатой двери.

Внутри оказался зал, как бы не больше того, где мы только что сидели, весь богато отделанный в бело-голубых тонах, под потолком куча хрустальных люстр, очень низко кстати свисали, на стенах золотые звезды – у меня из памяти всплыло название «Георгиевский», наверно он и есть. Длинный, зараза, в самом конце столы с напитками и закусками, вокруг них официанты суетятся, обновляют ассортимент наверно, рядом овальный стол с рядом кресел, за столом Михал Сергеич и Евгений Владиленович. Царь Михаил второй, чо...

Мы с Анютой подошли к столу, Владиленыч на ухо на-

помнил что-то Гробачеву, видимо кто мы такие и зачем сюда свалились, на лице того появилось оживление:

– Ну здравствуйте, герои, проходите, садитесь, поговорим. Твои передачи, – он кивнул в сторону Анюты, – очень Раисе Максимовне нравятся. Как у вас там в Горьком дела идут?

– Здравствуйте, Михал Сергеич, – ответил я, Аня тоже поздоровалась, – в Горьком пока все тихо, скорбят по временно ушедшему руководителю и думают, как теперь их жизнь изменится.

– Ну и что у вас думают насчет изменений в жизни?

– Да разное думают, Михал Сергеич, но кривить душой не буду – общий тренд раздумий, что изменится все в худшую сторону...

– Знаю, передавали мне народные мнения... – задумчиво сказал Гробачев, – а мы будем работать, чтобы переломить этот, как ты его называешь, тренд. Я для чего тебя позвал-то? – наконец озвучил он давно мучивший меня вопрос, – Владиленыч мне рассказал про твои эксперименты с переносными телефонами, и я так думаю, что это дело очень важное. Государственное. Надо укорить внедрение. Да и остальные твои разработки довольно любопытны. Я тут подписал указ о создании научно-производственного объединения на базе твоего политехнического института, ты назначаешься директором. Название сами придумаете, согласен?

– Конечно согласен, – мигом ответил я, – кто ж от такого откажется. А название можно взять исторически сложившееся, «Политех».

– Не возражаю. Заодно и песенки свои с танцами встроишь в структуру НПО, хотя тогда это уже будет научно-художественное объединение..., – и Гробачев погрузился в раздумья.

Я ему помог:

– Не будем ломать сложившиеся структуры, раз написано НПО, значит будем считать его НПО. В конце концов народная поговорка говорит, что хоть груздем назови, только в корзинку не клади.

– Хорошо, все детали получишь у Владиленьча, – тот согласно кивнул головой. – А у меня сейчас на повестке дня борьба с пьянством, Сережа, смертность растет, сеть ЛТП ширится, с этим надо что-то делать.

– Михал Сергеич, а может не надо начинать свое правление с сухого закона?

– Почему? – хмуро спросил он.

– Так ведь мировой опыт... самые известные случаи применения на практике сухого закона, это в России с началом Первой мировой и в США в 20-х годах – ничего хорошего ни там, ни там оно не принесло, в России революция случилась (нам же не нужна сейчас новая революция, верно?), а в Америке начался дикий разгул преступности, мафия именно в те годы и зародилась. В конце концов власти везде отменяли

этот закон с позором для себя.

– А что ты предлагаешь? Народ же спивается, так дальше продолжать нельзя...

– Надо действовать не хирургическими метода (ножик в руки, вжик-вжик и готово), а терапевтическими – наглядная агитация, пропаганда здорового образа жизни, плавное повышение цен наконец на крепкие напитки с одновременным снижением их на вино и пиво. И если уж нужна какая-то кампания, укрепляющая позиции властей, то лучше переключиться на борьбу с курением, от табака не меньше людей умирает, чем от водки.

Гробачев прищурился.

– Я тебя слышал, но ты меня не убедил – все-таки надо вырвать с корнем это зло.

Ну вот, процессы кажется начинают разворачиваться и углубляться, уныло подумал я.

– Ну если у тебя больше нет вопросов... – сказал Михал Сергеич.

– И еще одну минуту, если позволите, – сказал я. Владиленыч глянул на часы и кивнул, минута пошла.

– Написал сценарий фильма, который взорвет весь кинематографический мир, зуб даю на отсечение... даже два зуба... отдал его Мише Туманишвили, но там какие-то сложности возникли, дело буксует. Вот если бы с вашей стороны хоть один намек случился, что власти заинтересованы в этом деле, тогда бы все и закрутилось. А фильм будет такой, что

и на Оскар не стыдно представить, это я вам твердо обещаю.

– В двух словах расскажи, про что хоть твой фильм?

В двух не в двух, в паре-тройке десятков слов рассказал про «Ее звали Аннет».

– Туманишвили это сын главрежа Большого театра что ли?

– Так точно, Михал Сергеич.

– Не возражаю – Владиленыч, намекни там кому следует что следует. А сейчас, Сережа, извини, у меня американский президент на очереди.

Быстренько откланялись и вышли в предбанник. Там уже стояла американская делегация – Картера с его седой шевелюрой сложно было не узнать, рядом с ним женщина была, очевидно жена.

– Как поживаете, мистер президент? – вырвалось у меня, семь бед один ответ.

– Спасибо, неплохо. Я тебя знаю? – тут к его уху склонилась жена. – Розалин говорит, что видела вас на кассетах, ей понравилось.

– Спасибо, миссис Картер, постараюсь и далее не разочаровывать вас.

И они прошли дальше, а мы с Анютой в сопровождении все того же серьезного товарища в серьезном пальто отбыли в направлении Троицкой башни.

До Юго-Запада мы добрались уже в районе восьми вече-

ра, а там нас ждал (кто бы мог подумать) накрытый стол и напарники Миши по ЦСКА Фетисов и Балдерис, оба с женами. Все естественно знали, куда мы ходили, так что следующие полчаса пришлось непрерывно рассказывать и отвечать на вопросы.

– Да, у Михал Сергеича родимое пятно на лбу, довольно здоровое. Да, в Большом Кремлевском дворце, в Георгиевском зале. Нет, водку с шампанским не предлагали. Да, предложил возглавить большое дело в Горьком. Да, все там богато и красиво, особенно лестницы. И Картера видел, и даже перекинулся с ним парой слов. Ну он такой усталый был... волосы волнистые и седые, а жена у него красивая. А еще китайского руководителя видел и тоже поздоровался с ним. Дзен Сяо-пин его зовут, недавно из опалы вышел, сейчас взлетает вверх, как ракета. Нет, КГБ меня не шмонало, сам сдал все из карманов. И еще мы, надеюсь, кино скоро снимем, с Анютой вот в главной роли, бомба будет, а не кино. И кстати, Гробачев сказал, что первым делом, мол, начнет кампанию по борьбе с алкоголем, нет, не сухой закон будет, а такой... полусухой что ли – так что пока она не началась, эта кампания, может дерябнем по маленькой?

Хоккеисты и Инна слегка ошалели от такой лавины информации и дерябнуть не отказались. После этого Балдерис вспомнил, как мы народ из взорванного Дворца спорта вытаскивали, его жена единственная не в курсе была (беленькая такая прибалтка, суховата на мой взгляд), он ей переска-

зал эту историю, я комментарии вставлял.

– Как тут сосед-то твой живет? – спросил я у Миши. – Ну этот, который писатель.

– А я его с тех пор ни разу и не видел, – ответил он, – так что не знаю, как он там живет.

– Может позовем, у меня его телефон где-то был?

– Зови, мне не жалко, – отозвался Миша и я пошел в прихожую накручивать диск телефона.

Старший брат был на месте и даже сразу вспомнил, кто я такой, а вот рядом с ним (сюрприз-сюрприз) оказался младший братан, который астроном из Питера. Пригласил обоих, Аркадий для приличия поотнекивался минутку, потом согласился. Прибыли через пять минут с бутылкой хорошего армянского коньяка в руках.

Я представил братьев, расселись, открыли коньяк, сказать тост поручили мне, да ради бога, хоть два тоста, сказал я.

– Друзья... и подруги, как это ни прискорбно, но похоже, что нам выпала участь жить в эпоху великих перемен. С одной стороны это может быть и неплохо, потому что революция, как сказал один умный человек, это миллион новых вакансий и новых социальных лифтов, на которых можно взлететь до небес, но с другой-то стороны медали это обычно резкое снижение уровня жизни, нищета, разгул преступности и падение ценности человеческой жизни в район нулевой отметки. Но в наших с вами силах попытаться сделать эти перемены возможно более гладкими, снабдить их, так сказать,

газовыми амортизаторами. Давайте, короче говоря, выпьем за перестройку жизни с человеческим, так сказать, лицом.

По-моему никто ничего не понял, но выпили дружно. Потом я начал пытаться братьев на предмет творчества – да, сказали они, Жук в муравейнике почти закончен, а вот экранизация Пикника на обочине встала мертво, Тарковскому зарубили этот проект. Так в моих же силах помочь вам, обрадовался я, Пикник надо снять не так, как Тарковский хочет, а в голливудском стиле – это ж будет мировой блокбастер. Ну как ты можешь нам помочь, Сережа, удивились братья, из города-то Горького и в свои 18 лет. Да очень просто, ответил я, если у тебя в дружбанах Генсек КПСС, помочь можно и из города Горького... и даже в 18 лет. Братья переглянулись, но ничего в ответ не родили...

На этом вечер как-то незаметно увял – хоккеисты начали о своем, о неизбывном, чем отличается канадский стиль игры от нашего, да как бы хорошо взять все лучшее оттуда и отсюда, а берут почему-то все худшее, да какой тяжелый человек Вячеслав Васильич и тп. Братья допили коньяк и быстро испарились, хотя впрочем я успел заметить, что моя мысль о методике экранизации «Пикника» нашла в их мозгах некий позитивный отклик. А Аня с Инной продолжили свои бесконечные обсуждения предстоящей свадьбы, так что я оказался никому нахрен не нужен. Встал, сказал, что прогуляюсь, трубку с собой таки взял, памятуя о технологи-

ческих возможностях Владиленыча.

И оказался прав – когда я делал разминочные упражнения на свежевыпавшем снежке (наконец-то, надоела это вечная слякоть), трубка в кармане зазвонила, определитель при этом поморгал, но ничего не определил, как это и следовало ожидать.

– Здравствуйте, Евгений Владиленович, – возможно более вежливым голосом сказал я в нее.

После непродолжительной паузы мне ответили:

– Евгений Владиленович занят, он поручил мне связаться с вами, меня зовут Степан Вилорович.

О как, еще одна жертва Октябрьской революции...

– Слушаю вас очень внимательно, Степан Вилорович, – сказал я.

– Документы по новому НПО получите завтра в 9.00 на Старой площади, это раз. Относительно создания фильма по вашему сценарию – 12.00, Мосфильм, кабинет директора, рабочее собрание по запуску в производство. Все понятно?

– Предельно понятно, – отозвался я, – мой поклон Евгению Владиленовичу.

Вернулся, передал только что случившийся разговор Анюте, чем отвлек ее наконец от набившего уже оскомину перемалывания вопроса о платьях и шляпках. Традиционно уже предложил Анюте сосредоточиться на более близких темах, например, что надеть на мосфильмовское совещание.

Сюрприз-сюрприз

На Старую площадь я уж один поехал, на метро – в выданном мне Вилоровичем пакете находились уставные документы, приказ о назначении меня гендиректором, примерный график выдачи конечного результата, коего от меня ждут – не дождутся (старт серийного производства мобильного телефона например там был назначен на 1 апреля следующего года, экие ж шутники сидят там в ЦК КПСС, однако) и письмо-вездеход, если так можно выразиться, в нем всем организациям и учреждениям города Горького и области предписывалось оказывать новому делу всяческое содействие. Штат и платежная ведомость НПО пока не были утверждены, все это мне на откуп отдавалось, я так понял. Еще Вилорыч мне визитку дал с кучей телефонов, звони мол, если что не так будет. Спросил про АТС-1 для этого самого НПО, будет тебе вертушка, ответил Вилорыч, со временем. А пока обычной связью обойдешься. Ну обычной, значит, обычной, со вздохом подытожил разговор я... ну так я пошел?... ну иди, ответил он.

На Мосфильм я опять на метро поехал, до Киевской, а там еще минут 15-20 на троллейбусике, у входа меня значит Анята ждала, переминаясь с ноги на ногу – ночью конкретно так подморозило, так что просто стоять было довольно холодно. Прошли через проходную, нам сразу указали, где тут директор сидит (Сизов Николай Трофимович, ну оочень

большой человек, сказала нам девочка из бюро пропусков, закатив глаза ввысь), в приемной повесили куртки на вешалку и сели на стулья ждать начала. Недолго впрочем это ожидание продлилось – подошел Туманишвили, несколько незнакомых товарищей с суровыми лицами и (трам-та-да-дам) Олег Борисович Видов, который сразу взял Анюту под руку и повел ее далее, мило беседуя на ходу, я же удостоился коротенького кивка. Ну ладно, Олежа, я в ответ вообще ничего не сделал, даже и не кивнул, но он по-моему этого не заметил.

Директор Сизов действительно оказался ооочень большим человеком, под полтора центнера весом, что не мешало ему довольно резво перемещаться по своему кабинету. Начали с того, что все дружно закурили. Принципиальных вопросов собственно по запуску фильма в производство не было никаких, еще бы они появились после звонка с сияющих вершин ЦК КПСС, обсуждались детали. Краткий вариант сценария я отдал Мише еще в прошлый раз, полностью, сказали мне, его доработают и сдадут в недрах Мосфильма (попытался вякнуть, что я и сам, мол, вполне справлюсь, посмотрели, как на идиота, снисходительно улыбаясь – да мне жалко что ли, считайте идиотом, легче работать будет). Главрежем естественно Туманишвили определили, оператора и художника представили, фамилии я их впрочем тут же забыл, а вот насчет музыки я лег на амбразуру насмерть – музыка моя будет и точка. Вторично посмотрели, как на идиота, но

немного посоветовавшись, решили, что пока условно я буду им считаться, а там посмотрят. Что же до актерского состава, то вне конкуренции шли Анюта на главную отрицательную роль и Видов на роль отечественного Джеймса Бонда, его за границей типа знают, да и вообще типаж тот, что надо. Остальных отдавали на откуп режиссеру. Я успел вставить свои 2 копейки про Пестимеева, мол хорошо бы и его, можно даже в эпизоде, на это ничего вразумительного не ответили. Местом съемок в зарубежной стране определили Ригу, российские же реалии было решено снимать в Москве (ну где еще есть Красная площадь) и в Горьковской области – там же в лесах дело происходит, так чтоб далеко не ездить, я предложил речку Керженец, возражений не последовало.

Из директорского кабинета Анюта опять под ручку с Видовым вышла, да...

– Сережа, – сказала вдруг Анечка, – а Олежек нас в ресторан зовет. В Прагу, говорит, поехали.

– Ты поезжай конечно, а у меня еще дела есть, – буркнул я сквозь зубы.

– Отпускаешь, значит? – уточнила она.

– Ты же свободный человек... в свободной стране, делай все так, как считаешь нужным, – отрезал я. – Не забудь, что в 23.15 у нас поезд.

И я отбыл в Останкино к Леночке Гальпериной. С проходной позвонил ей, она, как ни странно, оказалась на ме-

сте и тут же спустила соответствующее распоряжение в бюро пропусков. И вот мы уже сидим в ее кабинете, пьем ароматный кофе Пеле и обмениваемся последними новостями. Она все больше говорила, как тут на телевидении относятся к наступающим переменам (плохо относятся, чего уж там скрывать), и что кресло под бессменным Лапиным вдруг неожиданно зашаталось, а я ей конечно не стал рассказывать про захватывающее ночное приключение на проспекте Кирова, лишнее это, но похороны старого генсека и беседу с новым описал довольно подробно.

– Ну ты орел, Сергуня, – восхищенно отвечала Гальперина, – далеко пойдешь! Переносные телефоны дело нужное.

– Да я знаю, Леночка, что пойду, вот в каком виде я туда приду, в это самое далеко, большой вопрос. Да, и еще мы кино по моему сценарию вот только что запустили на Мосфильме, музыка тоже моя.

– Что за кино, напomini?

Напомнил, чо...

– Хм... наверно тоже получится, хотя подводных камней я, например, вижу здесь немало. Кстати Евгений Саныч в каком-то виде там предусматривается?

– А то как же, я бы лично хотел, чтоб он сыграл профессора-гения в нашем закрытом городе, за которым гоняется эта супершпионка, но мой голос, к сожалению, здесь не решающий.

– Хорошо, я попробую помочь.

– Черт, совсем же забыл, – хлопнул я себя рукой по голове, – я ж тебе подарочек приготовил, вот такое дело мы на поток поставили у себя в Горьком.

И я вытащил из сумки лиловые штаны-бананы и фиолетовую кофточку в косую полоску – вырви-глаз называется. Гальперина рассмотрела все это добро очень внимательно и сказала мне отвернуться. Отвернулся, не забывая прихлебывать кофе из кружки.

– Ну все, можно смотреть, – сказала после непродолжительной паузы она.

Задавил на корню готовый вырваться комментарий «боже, как нашего Буншу похожа», сказал только:

– Блеск! Тебе еще не хватает мотоцикла и красного флага с надписью «Венсеремос», и прямиком можно отправляться на баррикады... бороться за что-нибудь там... или еще лучше против чего-нибудь там...

– Спасибо, Сергуня, – довольно искренне сказала Гальперина, чмокнула меня в щеку и мы пошли по этажу, себя показать, как объявила она. Народ мягко говоря ох..вал от нового прикида начальника, сказать что-то, правда, так никто ничего и не решился.

– Да, а как там наша Ниночка-то? – вспомнил я про еще одного члена нашего коллектива.

– Хорошо там ваша Ниночка, Хитрук в ней души не чает... а первая серия мультика почти готова, скоро сдавать будут. Пойдем кстати зайдём к ним.

Зашли к Хитруку, его самого правда на месте не было, но Нина имела место, да. Очень обрадовалась, увидев меня и тоже расцеловала в обе щеки. Посмотрел на процесс создания мультиков... муторное это дело, надо сказать.

Потом Гальперина вспомнила про наши танцы – хочешь, говорит, отдам мешки писем в твой адрес и твоих девочек? Я не хотел, что я ими делать-то буду, печку топить? Так ведь нет у нас никакой печки. Ну тогда подай еще какую-нибудь креативную идею для нашего телевидения, попросила она.

– Легко, – ответил я, – вот сама смотри, чего у нас на ТВ не хватает?

– Чего не хватает? – эхом ответила она.

– Развлекалова не хватает. Серьезных передач, где сидят сумрачные мужики в пиджаках, достаточно, а чего-то такого легкого, игрового, веселого и музыкального дефицит. Особенно музыкального, молодежь же с ума сходит по современной музыке, а ей предлагают «Лейся песню» с «Орерой» как максимум... про минимум не будем уж. Не обязательно западную музыку, хотя и там можно найти абсолютно нейтральные и неполитизированные вещи, но и у нас в стране полно людей, играющих современно и задорно, но они все в подполье сидят.

– Может сразу скажешь, что это за люди?

– Конечно скажу, при себе что ли держать буду – про такую «Машину времени» слышала?

– Это где сын главного архитектора Москвы что ли?

– Да, это оно. Отличные песни пишут, над звуком поработать только. Потом в Питере есть пара-тройка очень крепких групп, «Аквариум» например, а еще Зоопарк, Алиса, Аукцион. В Свердловске, насколько я знаю, тоже хорошие ребята сидят – Наутилус, Настя, Чайф. Вот собрать бы их всех вместе, да устроить фестиваль с конкурсом, да трансляции оттуда показать, это была бы очередная бомба.

– Ладно, понятно, – ответила она, – а еще что можешь предложить?

– Очень мало игровых программ, умирающие «А ну-ка девушки» да относительно новая «Что, где, когда», вот и все, что у нас есть игрового. Надо бы добавить... вот хотя бы такое предложение – несколько участников, ведущий предлагает им угадать мелодию по началу песни, по нескольким нотам, по описанию содержания песни, кто угадал больше, тот и победил. Или еще такое дело – участники отправляются на необитаемый остров (вариант просто в тайгу или там на побережье) и там соревнуются в выживании, в каждом новом выпуске один самый слабый участник отсеивается, побеждает тот, кто остался последним, назвать можно «Последний герой».

Гальперина глубоко задумалась, вперив взор в подвесной потолок, и в этот момент у меня в кармане зазвонил телефон.

– Да, Анята, – сказал я в трубку.

– Сережа, нам надо поговорить, ты не можешь подъехать к ресторану Прага?

- Могу конечно, какие вопросы. А о чем поговорить-то?
– Не по телефону, – ответила она и отключилась.

Не по телефону, значит не по телефону, извинился перед Гальпериной, сказал, что невеста зовет, тут же получил кучу уточняющих вопросов про это, выкрутился кое-как и запрыгнул на подножку стартующего к ВДНХ троллейбуса.

Возле Праги на углу Арбата и Гоголевского бульвара вытащил из кармана телефон, вызвонил Анюту.

- Алло, я у входа в Прагу, дальше куда?

В трубке слышались невнятные квакающие звуки, а потом:

- Заходи, назовешь свою фамилию – швейцар предупрежден, он покажет куда.

Зашел, чо... интерьеры в этой Праге были шикарными, начиная прямо с раздевалки, тут, как говорят досужие языки, и Антон Палыч чего-то отмечал, и Илья Ефимыч праздновал, не говоря уж о прочих Львах Николаичах и Владимир Владимировичах. Да, и еще Киса Воробьянинов здесь отметился, он сюда водил Елизавету Петровну, а потом тащил ее в номера и разбрасывал баранки. Знаменитое место, да....

Швейцар с пренебрежением покосился на мой прикид (да вроде и ничего себе, но видимо не для Праги) и ткнул пальцем в сторону богатой лестницы, ведущей на второй этаж, поднимайся, мол, в ореховый зал. Поднялся в ореховый, чо. В прошлой своей жизни я в этой Праге аж два раза побывал –

первый, когда понтовался перед будущей супругой, всю стипендию, как вспоминается, оставил, а второй раз был на свадьбе сестры, как раз вот в этом ореховом зале и сидели, деталей, если честно, не помню, нажрался сильно.

Метрдотель было дернулся в мою сторону, когда я внутрь вошел, но тут со столика у окна поднялся Видов и сделал приглашающий жест, метрдотель успокоился и занялся другими делами. Подошел, сел за стол – там стояло конечно же шампанское в серебряном ведерке плюс какие-то закуски по центру, а перед Видовым с Анютой по блюду с чем-то мясным. Анюта сияла, как свеженачищенный самовар.

– Выпьем? – с места в карьер начал Олег.

– А почему нет, – ответил я, – если нальете, выпью конечно. За что?

– За нас с Анютой, – с вызовом сказал он.

– Да ради бога, – ответил я и выпил, не чокаясь и запрокинув голову, как пианист.

– Сережа, – продолжила Аня, – Олег послезавтра уезжает в Югославию на съемки и зовет меня с собой.

– Ну и что ты на это сказала? – хмуро спросил я.

– Я согласилась, – ответила она, потупив глазки... анютины сука глазки.

– А ты не забыла, что у нас через три дня вообще-то свадьба? Слушай, пойдем покурим куда-нибудь, – закончил я свою мысль.

– Ты ж не куришь.

– Ради такого случая придется начать.

И мы пошли в коридор, а потом в курительную комнату.

– Анюта, кончай дурить, у нас же с тобой все хорошо было, а будет еще лучше... через три дня вот будет.

– Понимаешь, Сережа, ты уж извини, но ты пока никто, а Видов это Видов, второго такого шанса у меня в жизни может не быть...

Где-то я уже слышал такую фразу, подумал я.

– Аня, со мной ты будешь Анютой Сотниковой и совсем скоро выйдешь в мировые звезды под своим именем, а с ним ты навсегда останешься женой Видова... ну если он тебя возьмет в жены конечно, что не факт.

– Да понимаю я все, но ничего не могу с собой поделать... это как дудочка гаммельнского крысолова у меня перед носом звучит, а за ней значит иду, сложив лапки. Короче прости, родной, но я уезжаю.

– А свадьба?

– Ну придумай что-нибудь, ты же мужчина...

Далее рассусоливать манную кашу по тарелке не имело никакого смысла, вернулись в зал.

– Олег, – тряхнул я головой, отгоняя более тяжелые мысли, – а хочешь я расскажу, когда, где и от чего ты умрешь?

Видов аж побелел, бедняга.

– Откуда ты это можешь знать? – только и спросил он.

– Дар у меня такой есть, будущее видеть, не всегда и не для всех, но временами прорезывается, кучу народу уже спас

с его помощью. Ну так как, рассказать?

– Ну расскажи, – с трудом выговорил он.

– Через 20 лет от рака гипофиза в Уэстлейк-Виллидже, штат Калифорния, США. Сейчас еще конечно рано, но через 5-6 лет начинай проверяться на онкологию примерно раз в год, должно помочь.

– И что я там буду делать в этой Калифорнии?

– То же, что и здесь, сниматься в кино... с Микки Рурком и Арнольдом Шварценеггером, если тебе эти имена что-то говорят... и еще выкупишь права на показ советских мультфильмов в Штатах, это много денег принесет.

– А про Анюту ты что-нибудь скажешь?

– Увы, но нет – про нее мой дар что-то молчит как рыба.

Совет вам, дорогие, да любовь, а я пошел.

И я повлекся нога за ногу на Гоголевский бульвар, да. Вот, как говорится, тебе, бабушка и анютины глазки во всю радужку. Перевернута еще одна страница жизни, только сука похоже, что не в ту сторону перевернута... даже можно сказать, что и с корнем вырвана эта страница. Говорят, что история повторяется дважды и второй раз как фарс, но у меня что-то второй раз совсем без смеха проходит. Ладно, попробуем жить дальше, чо...

—

Я сижу в недрах своей квартиры на Кирова и керосиню второй день подряд. В столице у меня еще хватило сил дое-

хоть до Инны с Мишей, забрать свои вещи (Анюта свои пусть сама забирает), отбрехаться, как сумел, от недоуменных инниных расспросов и докатиться по железке до горького города Горького... ехал один в купе СВ, да, проводница, видя мои расстроенные чувства, даже не сделала попытки подселить еще кого-нибудь на свободное место.

А дома отзвонился матери и декану, сказал им примерно одно и то же, что мол в связи со срочным форс-мажором меня не будет два дня... может даже три, на вопрос же матери, что там со свадьбой, ответил, что через два дня все видно будет, а пока не видно ничего, потому что не рассвело. А сам пошел в ближайший гастроном на Краснодонцев, закупил там водки (сука Ветлужскую ведь продали, из сучков выгнанную, ну да это не особенно и важно сейчас), взял какой-то закуски, консервы что ли какие плюс хлеб и ливерная колбаса, отключил проводной телефон, вытащил батарейку из мобильного и отсоединил провода от дверного звонка, обрубил короче все внешние связи, замкнул их, так сказать, на себя и начал керосинить по-черному, да...

И закурил тоже – вот в предыдущей жизни последний раз курил лет в 20, а тут сорвался... Беломора прикупил, усманского, ядерного, с картой одноименного канала на этикетке... гадость изрядная, но от нехороших мыслей отвлекает.

В дверь стучали несколько раз, один раз весьма даже сильно, я не открывал – ну что они мне сказать могут, эти стучащие? И что я им сказать могу? Пустое все это, а лучше я

сорву-ка козырек с еще одной бутылочки, на этот раз арзамасского розлива. И с вещами анютиными надо ведь что-то делать, вон их сколько в шкафу... и в другом шкафу... и на вешалке в прихожей... и в ванной тоже есть... а, подумаю об этом завтра.

На исходе первых суток моего плоского штопора ко мне пришел ангел и сел за стол напротив... ну то есть я его так назвал, а на самом деле хер его знает, кто он там по профессии и образу жизни, да это и неважно – в костюмчике... нет, не черном, а коричневом, с красненькой искрой, и в ярко-красном галстуке и начищенных до блеска ботиночках, напомнив мне безвременно ушедшего от нас Сергей-Викторыча.

– Что, Сергуня, тяжело тебе? – спросил ангел.

– Выпьешь? – вместо ответа сказал я.

– Что там у тебя? Ааа, арзамасская... ну налей на два пальца, – и он пододвинул мне второй стакан. – За что пить будем?

– Чтоб не последняя, – буркнул я сквозь зубы. – Курить будешь? – и я протянул ему уполовиненную пачку Беломора. – Курить он отказался.

– Ты как сюда попал-то? И зовут тебя как? И что тебе вообще от меня надо?

Товарищ в галстуке лихо вылил содержимое стакана в рот, от закуски в виде кильки в томате отказался и ответил мне следующее:

– Видишь ли, Сережа, я это и есть ты, только немного альтернативный. Ты же здесь, насколько я понимаю, пытаешься выстроить альтернативную историю, да?

– Ну как бы хотелось бы...

– Вот, а я, получается, Сергуня Сорокалет из той ветки, которую ты похерил.

– Че ты гонишь, чепушило? – окончательного перешел я на блатной жаргон. – Ты ж старше меня нынешнего лет на 20 и рожа у тебя не моя, в зеркало вон хотя бы посмотри, найдите, как говорится 10 различий, в смысле сходств.

Встал ведь товарищ и пошел в ванную смотреться в зеркало. Потом вернулся и сказал:

– Да, рожа подгуляла, согласен, можешь конечно не верить, но все равно я это ты и наоборот.

– Ну ладно, допустим на минутку, и дальше что? – отвечал я, разливая по стаканам остатки из бутылки.

– А дальше, Сергуня, то, что надо стойко держать удары судьбы, а ты тут раскис как баба, у которой козел капусту на огороде съел. Сам же говорил не раз – кому сейчас легко?

– Ладно, проехали, – ответил я, – лучше расскажи, как там у вас в реальной альтернативности... или как уж там.

– Да все так же, как и в учебниках по новейшей истории, учил ведь поди в школе-то? А вот у тебя тут в альтернативщине что-то не очень, заигрался ты, Сергуня, со своими женщинами, а надо ведь кому-то и дела делать.

– Слушай, альтернативный я, иди нахер, я ж понимаю, что

ты эманация моего воспаленного сознания.

Товарищ поморгал несколько раз и испарился без слов, однако уровень водки в бутылке остался прежним – явно я столько не выпил... долго размышлял над этим удивительным фактом, потом взял баян в руки и заиграл на нем, подбирая ноты к самым тоскливым песням, кои мне вспоминались в пьяном своем угаре. Потом в дверь забарабанили особенно сильно. Я поначалу собрался игнорировать это дело, ну постучат и уйдут, не будут же они замок выламывать в самом деле, но вдруг понял, что стучание складывается в определенный такой и очень знакомый мне ритм... да, точняк это оно, «Одиночество сволочь». Ну хорошо, ребята, вы меня уговорили, иду открывать, ну кто там это еще ломится.

Замок подался с большим трудом, дверь распахнулась, а на пороге, значит, двери... вот если б мне сказали написать список из ста возможных посетителей меня в текущих обстоятельствах, то человек на пороге в этот топ-100 точно не вошел бы, да...

Анют так много на земле...

А стояла там Анечка Пак, которая дочь хирурга из 40-й больницы и знаток восточных боевых искусств, вся из себя тихая и спокойная, как глубокая бухта в бурную погоду.

– Привет, – с места в карьер начала она, – как жизнь, как семья, как здоровье?

– Жизнь сплошное спортлото, – автоматически вылетело у меня.

– В смысле?

– Где ни поставишь крестик, все не то, – продолжил я, – ну заходи, раз пришла.

Аня зашла, озираясь по сторонам, я помог ей снять куртку, повесил на вешалку, нашел какие-то тапочки, от Усиковых по-моему остались.

– Ну пойдём, если не боишься, – и мы зашли в мою комнату.

– Мда... – протянула она, – давно квасишь-то?

– Второй день заканчивается, – ответил я, – послушай вот, что я тут сочинил в ходе этого увлекательного процесса.

И я вытянул из-под стула баян. Сначала проиграл «Грапитный камушек»:

– Ну как? – спросил я, закончив.

– Волшебно, – ответила она, – не останавливайся, давай жги дальше.

Ну ОК, дальше, значит дальше. Забабахал, не останавливаясь, Ляписа-Трубецкого:

– Еще лучше, – немного подумав, сказала Аня. – А кроме этого что-нибудь есть?

– А то как же, у меня еще много чего есть, – ответил я и продолжил песенкой Ингрид под названием «Будь ты

проклят, гад», пришлось, правда, немного ее адаптировать к российским реалиям:

Ты обещал мне рай на земле и любовь в небесах,
Но я осталась просто ни с чем и в дырявых трусах,
Ты говорил, что я буду принцессой твоей,
Но мне досталась лишь стирка носков и варка щей.
Да будь ты про-про-про-клят, гнида,
Да будь ты про-про-про-клят, гад.

– Идеально, не забудь слова с нотами записать, – ответила Аня, изучая завалы бутылок под столом. – Давно она тебя кинула-то?

– Да вот позавчера, – автоматом вырвалось у меня. – А ты откуда знаешь?

– Нетрудно догадаться. В общем так, дорогой Сергуня, ты шас встанешь и пойдешь в ванную отмокать и трезветь, а я пока все тут уберу, согласен?

– А чего это ты тут раскомандовалась? Командирша нашлась, – сказал я, еле ворочая языком.

– А того я тут раскомандовалась, дорогуша, что тебя все ищут и на ушах стоят, дела не делаются, время идет, а он сидит тут, обливаясь горячими слезами и водку лопаает. Экая ж невидаль – баба его бросила! Не ты первый, не ты последний, с кем это случилось, баб на земле много еще осталось. А ну быстро собрался, тряпка, а то сидит тут, нюни распу-

стил, и шагом марш в ванную! Еще водка есть? – спросила она в итоге своего спича, взяв в руки недопитую бутылку арзамасской.

– Нет, эта последняя.

– Я ее щас в раковину вылью, а ты дуй в ванную.

Собрался и пошел, чо... через полчаса она пришла проверить, что там у меня и как. Я сказал, что вообще-то я как бы голый тут сижу, на что она ответила в том смысле, что она голых мужиков что ли не видела (интересно, где это, подумал я, в свои 17 лет она много голых мужиков-то видела, но вслух ничего не выдал), так что давай спину что ли тебе помылю, горе ты мое.

А потом она битый час поила меня какими-то своими национальными отварами, на вкус омерзительные они были, но действие на организм оказали ураганное, все перед глазами встало на свои места, перестав крутиться, как каруселька в осеннем парке, и похмелье мигом куда-то испарилось.

А еще потом она привела меня в комнату, уложила на диван и сказала, что сделает мне восточный массаж. И сделала, вполне профессионально причем.

– Слушай, а ты петь умеешь? – неожиданно спросил я ее.

– Да вроде как да, а ты с какой целью это спрашиваешь-то?

Я достал свой баян из-под стула и заиграл «Ромашки спрятались».

– Спой пожалуйста, а я послушаю.

Ну не оперный конечно голос, но очень приличный.

– А теперь «Одиночество сволочь»... откуда ты кстати знаешь эту песню-то?

– Сорока на хвосте принесла.

Одиночество у нее совсем на ура пошло, ну надо же...

– Что еще будет угодно моему господину? – спросила она, сложив ладошки на груди.

– Ну что ты несешь-то, какие у нас нахрен господа на шестидесятом году советской власти... если уж так приперло, можешь называть меня «мой товарищ».

– Хорошо, – покладисто согласилась она, – что еще будет угодно моему товарищу?

– Хм... – задумался я, что ж мне еще надо-то в самом деле? – Слушай, а тебе восемнадцать лет уже есть?

– В прошлом месяце исполнилось, а что?

Ну надо ж, у нас и дни рожденья рядом. Подошел к шкафу, вытащил комплект белья белого цвета.

– Примерь пожалуйста, – протянул я этот пакет Ане.

Она внимательно изучила его содержимое и спросила:

– Зачем?

– Ну считай это дружеской просьбой твоего госп... товарища то есть.

Она повернулась и пошла в ванную, через пять минут вернулась в белье...

– Пройди пожалуйста направо, потом налево... нет, не так, как манекенщицы ходят, видела наверно?... да, так луч-

ше.

Тут наверно надо бы описать Анечку, а то я про всех что-то говорил, а про нее кажется еще нет... так вот – фильм «Морозко» видели? Настеньку в роли падчерицы помните? Ну значит и Аню Пак тогда можете представить... с небольшими ориентальными отклонениями конечно, разрез глаз немного не тот, скулы чуть побольше и не такая безответная, ответку может включить, да так, что мало не покажется. Фигура точеная, осанка правильная, ноги ровные и длинные, грудь второй номер, ... ну может полтора... полукровки они почти все такие, хорошо получаются, что тебе еще надо-то, хороняка? – спросил я у себя.

– Все, можешь переодеваться обратно.

– Ой, а можно я это на себе оставлю?

– Что, понравилось? Оставляй конечно, какие вопросы.

Аня опять вышла, вернулась через некоторое время одетая.

– Еще что-нибудь? – спросила она с некоторым вызовом.

– Да, один мелкий вопросик остался – пойдешь за меня замуж?

Она села на стул и молчала не меньше минуты...

– Это ты назло ей что ли?

Тут я немного призадумался...

– Если и да, то совсем немного, – и я показал большим и указательным пальцем, сколько именно этого немного.

– Когда?

– Завтра в 15.00 в Автозаводском дворце бракосочетаний.

– Что-то очень быстро... ты ж меня не знаешь почти?

Ошибиться не боишься?

– Я свое уже отбоился.

– Ну тогда хоть комплимент какой сказал бы что ли, а то уж очень все дежурно у нас выходит.

– Да легко, – ответил я, лихорадочно собирая остатки мыслей в голове. – Ты в этом белье была как ветка сакуры в начале мая в предгорьях Амисан, освещенная лучами восходящего солнца, ага.

– Сакура это у японцев, у нас тсели... но в принципе неплохо, мне понравилось. Давай еще что-нибудь.

– Тебе говорили, что ты похожа на Настеньку из фильма Морозко?

– Нет, ты первый.

– Так вот, я таким болваном, как Иванушка из того же фильма, не буду.

– Как это?

– Пропустим все стадии превращения в медведей и унижения мачехами – перейдем сразу к свадьбе, а?

– Поцелуй меня, Сережа, – робко попросила она.

Да мне жалко что ли, посадил ее на колени, закрыл губы долгим поцелуем.

– Хорошо, – сказала она после продолжительной паузы, – но ты все-таки объясни, почему я-то? По тебе, если ты не знаешь, половина девчонок нашего факультета сохнет?

– Да ну? – удивился я, – что-то я этого не замечал.

– Так это потому что их всех твоя Анюта построила...
кстати дура-девка, такого парня упустила...

– Давай не будем про это... значит почему ты? Объясняю на пальцах – ты красивая, молодая, спортивная, не дура, петь опять же умеешь плюс к этому хорошо выводишь из запоев и звать тебя Анечкой.

– А имя-то тут при чем?

– Потом как-нибудь объясню... да, и самое главное – волосы у тебя собраны в хвост на затылке.

Аня похлопала глазами, но уточнять ничего не решилась.

– Хорошо, я согласна, пошли в этот твой Дворец бракосочетаний... только знаешь что... – притормозила она.

– Что?

– Не люблю я эти свадебные застолья, пьяные рожи в салатике оливье, обряды эти дурацкие, выкупы разные и похищения, может обойдемся без них, а?

Ну надо ж, а я только что это самое хотел ей предложить, мысли что ли она читает?

– Договорились, все будет скромно и тихо, а на сэкономленные деньги съездим на Новый год куда-нибудь.

– В Домбай или в Хибины, всю жизнь хотела на горных лыжах покататься, – захлопала в ладоши она.

– Договорились. А сейчас вставай и поехали.

– Куда?

– Как куда, с родителями знакомиться – завтра ж свадьба,

а они не в курсе.

– А как же мы поедem, ты же пьяный?

– Во-первых, ты меня протрезвила, за что тебе поклон до земли, – и я еще раз поцеловал ее, – а во-вторых, что ж я, свою невесту на трамвае что ли повезу? Не-не, поехали.

– А гаишники?

– В это время дня они обычно по своим гаевням сидят, так что не бойсь, все будет чики-пуки.

Я выгнал из гаража свою незабвенную желтенькую копейку, завел, с большим трудом завел, время-то зимнее, тронулись по Кирова, потом по Краснодонцев. И надо же, на углу с Ильича нас поджидал гаишник с полосатым жезлом – вот сюда давай, показал он мне на обочину. А вот хер тебе, гаишник, а не туда, подумал я и прибавил газа. Он кинулся к своей машине и пустился в погоню.

– А я говорила, – хладнокровно сказала Аня, – надо было на трамвае.

– Ерунда, прорвемсь, – не менее хладнокровно ответил ей я, – держись за что-нибудь.

И я резко свернул на Жданова, потом во дворы, потом опять на Краснодонцев, гаишник куда-то пропал.

– Ну надо ж, как в кино, – у Анечки даже щеки покраснелись от удовольствию.

– Вот кстати, надо бы пару погонь вставить в наше кино.

– Какое ваше кино?

– Потом расскажу, – быстро ответил я, потому что в зер-

кале заднего вида опять появился гаишник с мигалкой и мне стало не до объяснений.

Ударил по газам, очередное свидание с ментами в мои планы ну никак не вписывалось. Пролетел дорогу без наименования между Парком культуры и Земснарядом, слава богу, тут еще светофоров не наставили, как в нулевые годы. Выскочил на Лескова мимо (гыгы) районного УВД, светофора и тут никакого не было, так что без задева все прошло. А теперь резко направо и к сороковой больнице, я там знал одно место, которое никто больше вроде бы не должен знать.

Гаишник мегафон включил, сука, и каркал через него на весь район: «водитель желтой ВАЗ-2101, немедленно остановись». Да не волнуйся ты, родной, шас остановлюсь, только доеду, куда мне надо, и немедленно встану, аки лист перед травой. Надеюсь, что у него рации нет, их в 70-е годы по-моему у милиции очень мало имелось, а то ведь если есть, то мало не покажется. А Аня между тем на кресле рядом возбужденно крутила головой и давала мне глупые советы, которые я, впрочем, мимо ушей пропускал. Ага, а вот и то самое место...

На территории 40-й больницы (никаких шлагбаумов и запертых ворот – езжай куда и как хочешь) было как минимум два очень крутых поворота на 90 градусов, а аккуратно между ними неприметный въезд к зданию морга. Да, морга, вы не ослышались, теплое и уютное местечко такое. Вот там мы

и пристроимся.

Резко выкрутил руль, подкатил к моргу, завернул за угол, распахнул свою дверь, крикнул Ане тоже вылезать, запер машину ключом, и мы оба влетели во входную дверь морга.

– Посидим здесь некоторое время, ладно? – сказал я Ане.

– А что это вообще такое? – удивленно спросила она.

– Ну у тебя же отец здесь работает, должна бы знать...

– Отец работает, но что это, я не знаю.

– Ну и ладушки, потом как-нибудь узнаешь, а вон местный работник идет, щас нам легенду надо бы сочинить подходящую... и позвонить кое-куда для надежности... ты подкивай, если что.

Местный работник в зелененьком халате вышел в тамбур, где мы с Аней на продавленном топчанчике сидели, и удивленно воззрился на нас.

– Чего надо, молодые люди? – спросил он, обращаясь в основном ко мне.

– Позвонили нам полчаса назад, что мол тетю мою сюда привезли, машиной вроде сбило, вот мы и сорвались проверить, может ошибка какая... – начал вдохновенно врать я. В этот момент открылась дверь и вошел тот самый гаишник, прямо вместе с полосатым жезлом.

– Так, – сказал он, обращаясь тоже ко мне, – машина за углом ваша стоит?

– Какая машина, товарищ сержант? Мне 17 лет, никаких машин у меня в принципе быть не может.

– Товарищ... эээ..., – протянул он уже работнику в халате, – что они тут делают?

– Да вот, – ответил тот, – говорят, что тетю ихнюю сюда привезли, проверяем.

– Так точно, – добавил я, – Вера Ивановна Старикова, сестра отца, 48 лет, проживает на Челюскинцев, 8-12.

– А желтая копейка чья?

– Понятия не имею, тщ сержант, видел только, как она недавно подлетела сюда, а водитель воон в ту сторону ушел, – и я махнул рукой по направлению к приемному покою.

Гаишник почесал жезлом затылок и молча вышел, я же обрadowанно повторил товарищу из морга установочные данные на тетю – реальные взял, она там и живет. Товарищ завел нас в следующую комнату, открыл толстенный грессбух и начал водить пальцем по строчкам. Как и следовало ожидать, никаких Вер Ивановн в ближайшие сутки, да и не в ближайшие тоже, у них отмечено не было.

– Ну нет и слава богу, что нет, значит живая наша Вера Ивановна. Мы пойдем тогда, ладно? – сказал я работнику.

– Валите, – буркнул он сквозь зубы, закрывая грессбух.

Вышли на улицу, гаишник ходил кругами вокруг копейки и что-то бормотал при этом.

– Ну что, нашли тетю? – спросил он.

– Никак нет, тщ сержант, ошибка наверно какая-то вышла, пойдем к ней домой проверять, что там и как, – ответил

я и добавил, набравшись наглости, – может подвезете до ее дома, а то тут идти далеко?

Сержант слегка офигел от моих запросов, но подвозить нас отказался, дела у него тут. Да и не очень-то и хотелось, ушли пешком. Аня тут же завалила меня вопросами, что теперь с машиной будет, да как я выкручиваться буду – да ничего с ней не будет, не век же гаишники вокруг нее круги нарезать станут, когда им надоест, заберу, а эвакуаторов пока не изобрели, отвечал я. Так и дошли незаметно до ее дома, жила она по соседству с Игоревичем, очень удобно кстати, далеко бегать не надо.

– Сначала к твоим или к моим? – спросил я, – ну хорошо, к твоим. Да, и купить бы что-то надо, неудобняк же с пустыми руками идти.

Зашли в гастроном на Лескова, взяли два тортика, хватит для начала. Папа Анечки нас, понятное дело, не ждал и очень удивился, увидев меня с тортиком в руках.

– Здравствуйте, Иван Харитонович, – с порога сказал я (так-то он Чжон Хи, пояснила на лестнице Аня, но в паспортном столе переделали в Харитоновича – а ты кто на самом деле? – а я Тхан, яркая значит в переводе), – хочу просить руки вашей дочери, люблю ее типа больше жизни, жить без нее не могу, завтра регистрация, приходите.

Тот аж дышать на некоторое время перестал, потом позвал за стол.

Сели за стол, начались недоуменные расспросы...

– А почему так скоропостижно?

– Так уж вышло, Иван Харитоныч, жизнь штука непредсказуемая.

– А где вы будете жить?

– В моей квартире, Кирова 18-94, я там один сейчас, а с завтрашнего дня вдвоем значит будем.

– И на что же вы собираетесь жить?

– Вот об этом не беспокойтесь, денег у меня достаточно, а скоро будет совсем много.

– Подробности расскажешь?

– Конечно расскажу – по распоряжению Правительства в нашем политехе создается научно-производственное объединение, НПО сокращенно, я тем же распоряжением назначен его директором, а Аню вот собираюсь в штат взять замом по культуре и связям с общественностью. Правильно, Аня?

Аня удивленно посмотрела на меня, но уточнять ничего не стала, а только кивнула. Достаточно энергично кивнула.

– У меня тоже вопросик имеется, – влез я наконец в поток размышлений Харитоныча, не все же ему одному спрашивать, верно? – Интересно, каким образом кореец смог оказаться в городе Горьком, за 7 тыщ километров от своей родины, да еще и на врача тут выучиться?

– Тебе правда это интересно? – прищурился хирург.

– Правда-правда, – сказал я, честно хлопая глазами, – все, что с Анечкой связано, мне страшно интересно.

– Ну ладно, слушай тогда...

В следующие полчаса он довольно подробно пересказал свою биографию и обстоятельства появления на свет Анечки. Ничего нового он мне собственно не сообщил, ну не считая мелких подробностей конечно – да, 37-й год (ему на тот момент 2 года было), да, депортация корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию, объясненная властями тем, что тогдашняя Корея входила в состав Японской империи, а значит там могли быть японские шпионы, (конкретно семью Паков в Усть-Каменогорскую область Казахстана отвезли), да, послевоенная оттепель и разрешение уезжать из опустылевшей пустыни куда хочешь, хоть к черту на рога. На рога конечно никто не поехал, как и на Дальний, впрочем, Восток, большинство ломанулось в Центральную Россию, вот и он тоже, выбрал Горький чисто методом тыка, подал документы в горьковский мед, с детства типа имел склонность к врачеванию. Потом маму Анечки встретил, потом и так все понятно.

Про маму я предпочел не уточнять, сами расскажут, если захотят... доели тортик и начали откланиваться. На завтрашнее мероприятие он обещал прибыть, хотя 100% гарантии не дал, если на работе все утрясет, ну и ладно...

А мы значит тем временем в соседний дом перебрались и уже названиваем в квартиру знатного партийца Станислав Игоревича. Открыли без уточняющих вопросов.

– Ой, – сказала мама, стоя в пушистом халате и тапоч-

ках, – а мы тебя и не ждали. А это с тобой кто?

– А это, мама, Анята, мы с ней завтра женимся – забыла что ли?

– Какая-то это не такая Анята... – протянула мама, а потом, спохватившись, добавила, – ну что же вы на пороге-то стоите, заходите. Слава, у нас гости, – это она уже громко объявила сами понимаете для кого.

Слава тут же появился из недр второй комнаты, был он тоже в халате и в тапочках.

– Ой, а мы вас и не ждали, – повторил он слово в слово мамин текст, – надо бы переодеться что ли.

И он сделал попытку скрыться обратно в недра второй комнаты, но я быстро его остановил:

– Да ладно, Игоревич, свои же все люди, давайте лучше быстрее все вопросы решим, а то у нас еще дел на сегодня много. Вот тортик разрежь лучше, – и я протянул ему коробку с «Ленинградским» тортом.

– Ну быстрее, значит быстрее, – согласился он, – пойдёмте за стол сядем.

– Завтра у нас с Анятой свадьба, – начал я.

– Постой-постой, – перебила меня мама, – это какая-то не та Анята...

– Ну ты же футбол иногда смотришь? – спросил у нее я.

– Смотрю, а при чем тут футбол?

– Там иногда объявления по стадиону такие делают «В команде Динамо произошла замена – вместо Семена Иванова,

игравшего под номером 9, на поле вышел Иван Семенов под номером 14». Вот и в нашей команде такая замена случилась...

– А та Анята куда делась? – не унималась с расспросами мама.

– Перешла в другой дивизион... если образно, то в московский Спартак ее переманили, а мы тут пока остаемся... в горьковском Торпедо... я понятно объяснил?

– Даааа... – синхронно протянули мама и Игоревич.

– И еще у нас небольшие изменения в завтрашней программе – все торжества отменяются, то есть распишемся и на этом все. Ресторан, Чайку и платье я уже отменил, у нас с Анейтой есть такое мнение, что скромнее надо быть. А на эти деньги мы попозже в свадебное путешествие какое-нибудь съездим. Да, отец Ани тебя, кстати, оперировал, – добавил я для Игоревича, – и неплохо оперировал.

Посмотрел на их лица – не сказать, чтоб мама выглядела сильно расстроенной, а у Игоревича так и вообще в глазах озорные чертики прыгали. Тут мы быстренько и распрощались, договорившись встретиться завтра у загса за полчаса до начала церемонии.

– И все-таки я что-то не верю в это такое свое счастье, – сказала Аня, когда мы спускались по лестнице. – Два часа назад еще и подумать не могла, что завтра замуж выйду, да еще за кого...

– Вспомнил, что спросить хотел, – ответил ей я, – а как

ты меня нашла-то? И вообще почему ко мне поехала?

– Так к тебе уже куча народу с факультета ездила, ты же никому не открывал.

– А ты, значит, последняя в этой куче была?

– Не, не последняя – там еще много народу в очереди осталось. А ты правда меня замом хочешь сделать или так сказал, для красного словца?

– Анята, – наконец-то я смог назвать ее так, – видишь ли в чем дело, у меня есть один железный принцип, которому я никогда не изменяю... по крайней мере до сих пор не изменял.

– И что это за принцип?

– Принцип простой – «пацан сказал, пацан сделал»...

– Хороший принцип... – протянула Анята, – а у меня тоже он есть, но немного другой.

– И какой же? – чтобы отвязаться, спросил я.

– Живи сам и давай жить другим. Не надо никого загонять в угол, нервы крепче будут.

– Тоже неплохо... ну так мы значит договорились, – продолжил я, – завтра в 7.00 ты меня ждешь вот на этом самом месте, потом мы утрясаем политеховские дела, в 14.00 стартуем к загсу, а там уж как бог даст...

Она согласно кивнула головой, чмокнула меня на прощание и я поплелся выручать свою желтую машинку. Дело оказалось не простым, а чрезвычайно простым – никого там ря-

дом с ней не было, давно ушел уже гаишник домой, да и его можно понять, бабла в карман и палок в послужной список здесь не нарубишь, а в других местах наверно можно. Доехал без проблем до гаража, по сторонам впрочем озирался поминутно, а дальше звякнул Андрюхе насчет завтрашнего свидетельствования, он заверил, что все помнит, сварил себе свежесмолотого кофе, да и спать завалился – кофе на меня действует довольно парадоксальным образом, как снотворное. А нет... радио еще перед сном послушал, первую программу по нашему допотопному репродуктору (телевизор же у нас солдатики разбили в ту памятную ночь, а радио осталось, кому оно нах сдалось), выполненному из ценных пород дерева, услышал вот что:

7 декабря 1977 года состоялся Пленум ЦК КПСС. На Пленуме с докладом «О созыве внеочередного 26 съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением» выступил Генеральный секретарь М.С.Гробачев. В прениях по этому вопросу выступили тт.Щербицкий, Гришин, Кунаев, Воронников, Зайков, Шеварднадзе, а также тт.Федосеев и Бальмонт.

Пленум принял по докладу Гробачева Постановление, которое публикуется в печати, а также рассмотрел организационные вопросы: Пленум перевел Чебрикова из кандидатов в члены Политбюро, избрал секретарей ЦК КПСС Лигачева и Рыжкова членами Политбюро, а также члена ЦК КПСС Никонова секретарем ЦК КПСС.

А сейчас передаем краткое содержание доклада Михаила Сергеевича Гробачева на Пленуме.

И передали это самое содержание, чо... помимо стандартного для советских речей бла-бла про верность идеалам да преемственность курса был весьма интересный пассаж про торможение развития страны, отставание от ведущих стран (которые названы не были, но и так понятно, что имелось ввиду) и попытка анализа причин этого торможения. Выходом из этой щекотливой ситуации ЦК КПСС вообще и товарищу Гробачеву лично виделась интенсификации научно-технического развития и даже революция (!) в технологиях (интересно, февральская или сразу октябрьская?). Были весьма вялые высказывания про переход на рыночные рельсы – хозрасчет мол и самофинансирование надо внедрять и сразу, желательно, вагонными партиями, чтобы, значит, без вопросов по рыночным рельсам ехали. Далее про дисциплину... что некоторые старые партийцы засиделись на своих насиженных местах, и их хорошо бы того, разбавить молодыми и борзыми партийцами... про гласность – «с людьми надо говорить языком правды», а до этого каким языком с ними говорили, интересно?... ну и на закуску борьба, значит, с алкоголизмом и алкоголем, кою надо начать, а потом сразу углубить. Не самая плохая программа, да, но подкорректировать кое-что нужно бы, подумал я и окончательно заснул.

А утром я забрал, значит, Анечку от ее подъезда и мы доехали до все того же старого и доброго пятого корпуса полите-

ха абсолютно без единого приключения. Аня пошла по своим делам (она технологом была, как оказалось, с нашего же факультета), а я прямо с утра завалился к декану Петровичу. Он уже был в курсе ветров, повеявших с высоких кремлевских стен, поэтому почти ничего ему пояснять не пришлось, пояснял наоборот он мне (ни словом не обмолвился о моем двухдневном запое, за что я ему был очень благодарен в глубине души).

– Значит так, Сорокалет, НПО это твое будет базироваться на основе нового нашего корпуса, его в Печерах строят уже который год, слышал наверно?

Я слышал.

– Полностью он конечно не скоро готов будет, но правое крыло там практически выстроено, можешь съездить посмотреть. Куратором от института тебе определили Павла Громова...

– Это аспиранта Павлика что ли? С которым мы на картошке были?

– Да, его.

– Он из больницы-то уже вышел, болезный?

– Давно вышел, дома сидел долечивался. Далее – от партийных властей контакты с тобой будет поддерживать Станислав Игоревич...

Ну надо ж, а вчера он мне об этом ни слова не сказал.

– А от сам понимаешь кого присматривать за вами поставлен Виктор Сергеевич Попов, вот его визитка, звони-дого-

варивайся...

Итить-колотить – был, значит, Сергей Викторыч Дьяконов, а стал Виктор Сергеич Попов, расту...

– Ну и от радиоэлектронной промышленности вас будет курировать вот этот товарищ, – и он протянул мне очередную визитку с аббревиатурой НИИИС, – обеспечение приборами, инструментами и элементной базой на нем будет.

– Далее, – продолжил декан, – вот черновое штатное расписание НПО с окладами и премиями, можешь править, его в разумных пределах конечно. Вот наши предложения по персоналу, тоже можно черкать. Еще что... насчет занятий не беспокойся, я утрясу, сдашь потом экстерном, ты парень шустрый, сдашь наверно...

– И еще у меня сегодня свадьба, – вклинился я наконец в речь декана.

– С кем? – поинтересовался он. – Насколько меня уведомили, твоя Анюта махнула хвостом в Москве...

– С Анютой, Вячеслав Петрович, с Анютой, только немного с другой – Анют же много на земле, верно?

Петрович с усмешкой посмотрел на меня и закончил свою мысль:

– Верно, надо доводить все свои действия до логического конца – как это ты там говоришь, пацан сказал...

– Пацан сделал, – добавил я, – ну я побежал проводить в жизнь политику партии. Речь Михал Сергеича вчерашнюю слышали?

Декан слышал.

– мудро он там заметил насчет торможения технического прогресса и обновления кадров.

Декан согласился насчет мудрости.

– Кстати, как там Светочка поживает, давно ее не видел?

Светочка очень неплохо, по мнению декана, поживала, только видел он ее редко – съехала она к тому своему парню уже пару недель как. Ну и славно, а я пошел, значит...

Решил съездить и проинспектировать свое новое место обитания, благо время есть, машина под боком, а ехать недалеко. Подивился пейзажам на улице Родионова, даже Донецкая с Фруктовой только-только начали подниматься к небу краснокирпичными остовами будущих 9-этажек, а дальше совсем одни бескрайние поля были... ну на пересечении с рокадкой еще несколько домов. А шестой корпус политеха чуть подальше рокадки стоял – проект его ну весьма оригинальным был, в виде половинки шестеренки, зубцами обращенной к Волге, а впадиной к улице, значит, Родионова (вот кстати, всегда хотел узнать, кто это такой, Родионов, и никогда не получалось). По центру круглая площадь... ну будет когда-нибудь, а пока стройплощадка, заваленная хрен знает чем. Левое крыло, если с улицы смотреть, совсем еще в наметках, а вот правое, как совершенно справедливо заметил Вячеслав Петрович, находится в высокой стадии готовности.

Припарковал машину неподалеку, полез через строитель-

ные завалы ко входу. Никто меня не остановил и ни о чем не спросил, похер всем было, кто это там по стройплощадке шарится, да и ладно. Вошел в дверь правого корпуса... ну то место, которое когда-нибудь станет дверью, а сейчас просто голый проем в стене шириной метров в 8, поднялся на второй этаж (а так-то их всего шесть), прошелся по нему... там даже полы кое-где настланы были, линолеумные, и розетка прикручены были... и плафоны под потолком висели, да. Завози мебель и работай, не соврал Петрович. Еще первый этаж мельком оглядел – здесь, похоже, мастерские должны быть по идее архитекторов, огромные помещения, и тоже с розетками. Мне все нравится, поехали назад.

Вернулся уже к часу дня, наверно и жениться пора ехать, как раз и третья пара закончилась, как раз и Анечка освобо-дилась.

– Привет, дорогая, – сказал я ей, – ну чего, едем в загс-то или как?

– Конечно едем, дорогой, – со смущенной улыбкой отве-тила она, – подожди только, свидетельницу приведу.

Свидетельницей оказалась... да-да, та самая Света, дочка декана, правда не в штанах-бананах, платье надела, видимо по торжественному случаю.

– Салют, Светик, – поприветствовал ее я, – ты все хоро-шеешь на глазах.

Света смутилась, но отпираться от своего хорошения на глазах не стала.

– Когда сама-то замуж идешь? – продолжил я смущать ее.

Света не знала и высказалась в том смысле, что когда, мол, бог даст, тогда и... что в принципе и верно – на бога многое чего списать можно.

Аня села рядом со мной, Света сзади, тронулись на Автозавод, дорога была чистая, успели подмести после вчерашнего снегопада, так что долетели мигом. Забрал Андрюху с Кирова, и вот мы уже перед Автозаводским Дворцом бракосочетаний, это бывшая станция Счастливая детской железной дороги. Долго пытался придумать подходящую шутку насчет названия станции, но не сумел и плюнул, старею что ли...

Мама с Игоревичем плюс хирург Пак Иван Харитоныч ждали нас в фойе, приодетые по такому случаю, мама мне шепнула при этом «надеюсь, ты знаешь, что делаешь», а ей ответил «конечно знаю, не волнуйся, мама, все под контролем», а дальше надо было идти в большой зал под музыку Якоба Людвиговича Мендельсона... а нет небольшое приключение перед этим делом таки случилось – распорядительница долго вчитывалась в свою методичку и наконец сказала, что жених правильный, а вот невеста немного того, подгуляла – должна же быть гражданка Сотникова, а в наличии имеется совсем даже наоборот гражданка Пак, че за дела, Сергуня? Пришлось пообещать позвонить обкомовскому соколу Валерий Палычу, вот где-то тут у меня его визитка завалилась... При видите страшной визитки распорядительница быстро сдулась и вопросов более не задавала... ну кро-

ме стандартных конечно – «согласны ли вы взять в жены?» и «согласны ли вы выйти замуж?».

Полчаса все это заняло, Света с Андрюхой поставили свои подписи под нашими, мы с Аней надели колечки друг другу (я их собственно давно купил по случаю, в Москве), а дальше поехали к нам на Кирова, стол я там с утра еще организовал. Ну и тихо-скромно отметили создание новой ячейки общества, вот и все.

Да, про первую брачную ночь – Анечку ничему учить не надо было, она сама могла бы курсы открывать по этому делу, и это при том, что она была девственницей, без дураков, да. Поинтересовался источниками ее информации, ответила, что пусть это останется для меня загадкой... а и ладно, не все же тайны в жизни раскрываются, так даже интереснее жить будет. Наутро она приготовила для меня кимчи и цитрусовый чай на лимонно-апельсиновых корках и жизнь моя, так сказать, заиграла новыми красками...

Экономика должна быть экономной

А на следующее утро у нас было назначено расширенное заседание по организационным вопросам, касающимся нового НПО. И по всем остальным вопросам тоже, буде таковые возникнут, как объяснил мне Станислав свет Игоревич, вчера еще на торжественном ужине объяснил. Назначено заседание было в обкоме, в зале заседаний каком-то

там (не найдешь, спросишь, сказал Игоревич), ровно в 10 часов. Присутствовать должны были все заинтересованные лица без исключений, да.

По такому случаю на занятия в политех я не поехал совсем и Анюту притормозил, вместе, сказал, пойдем заседать, должен же я представить своего первого заместителя. А ты, если чо, сиди тихо, я сам все скажу и покажу, да. Чой-то мне тихо сидеть, немедленно возразила она, у меня может тоже какие интересные предложения и замечания будут. Ну если они точно интересные будут, тогда предлагай конечно, а так-то лучше помолчи, за умную сойдешь, пошутил я, за что получил короткий тычок в бок, от которого потом минут пять не мог разогнуться... Анята аж сама испугалась и принялась меня реанимировать... в дальнейшем надо бытеперь фильтровать свои шуточки-то, подумал я, а то инвалидность раньше времени заработаю.

Совещание, как и было намечено, началось ровно в 10 часов – увидел наконец нового смотрящего от органов, как его там... а, Виктор Сергеича, ну на вид вроде адекватный и разговор на разные темы поддерживает без затруднений, а там посмотрим. Научный куратор оказался высоким дородным таким мужиком серьезно за 50, с двойным подбородком и лысиной во всю голову, Вадим Евграфович, во, не выговоришь ведь сразу. Ну а Павлика с Игоревичем я и так хорошо знал. Еще какие-то личности присутствовали, и мне их даже представили, но я сразу забыл, кто они и как зовут.

Сначала выступил Игоревич, коротенько пересказал содержание постановления Правительства по НПО «Политех», представил всех присутствующих для тех, кто вдруг не в курсе был, и передал слово мне, давай, мол, Сергуня, твой выход. Встал, откашлялся...

– Товарищи... – начал, запинаясь, я и тут же одернул себя – ты чо, родной, увереннее надо и бойчее, а то не поймут, – товарищи, партия и правительство оказали нам высокое доверие, поручив наладить производство современных средств связи, которые должны быть на уровне и даже выше лучших мировых образцов. И мы просто не можем не оправдать доверия партии, товарищи – переносные мобильные телефоны будут выпущены в установленный срок и на высоком технологическом уровне. Для этого надо немало потрудиться, приступив к работе без промедлений и раскочки, засучив, как говорится, рукава и раскрутив, как говорится, жернова.

– Работать предлагаю по принципу определения и последующего преодоления самых узких мест – сейчас этим самым узким местом является помещение для нашего предприятия. Вчера я был на стройке шестого корпуса, да, правое крыло там находится в высокой степени готовности, но работать там пока нельзя. Вот кратенький перечень необходимых мероприятий, стройматериалов, мебели и оборудования, который надо достать в самые сжатые сроки, – и я передал этот списочек сидящему рядом Игоревичу.

– Далее, оргструктура... у гендиректора предлагается по-

ставить 5 первых заместителей, перечисляю сразу с кандидатурами: 1)зам по науке, Борис Немцов, наверно его никто тут не знает, это молодой и перспективный студент из университета, ручаюсь за него головой, 2)зам по производству, Вадим Месяцев, 3)зам по снабжению, извините, не подобрал человека, прошу помощи зала, 4)зам по внутренней безопасности, Александр Русаков, студент из моей группы, просто поверьте на слово, что это будет отличный безопасник, ну и наконец 5)зам по культуре и связям с общественностью Анна Сорокалет, вот она рядом сидит, – народ оживился.

– А почему фамилия такая же, как у тебя? – спросил гэбэшник Сергеич.

– Потому что это моя жена, Виктор Сергеич, – ответил я с добродушной улыбкой, – по-моему в нашей стране пока нет запретов на работу родственников в одном учреждении, верно? К тому же она уже несколько месяцев руководит одним из моих начинаний, зарекомендовала себя ответственным и вдумчивым сотрудником, плюс ко всему это очень красивая и стройная девушка с хорошо подвешенным языком, что немаловажно при связях с общественностью. Этого по моему скромному мнению достаточно, а вы как считаете, Виктор Сергеич?

Гэбэшник усмехнулся в густые черные усы и ответил в том смысле, что ладно, принимается в первом чтении.

– Теперь о графике работы... сегодня 8 декабря, ровно через 2 недели помещения для работы должны быть полностью

готовы и ограждены периметром. К этому времени должен быть создан запас комплектующих и материалов, достаточных для двухнедельной работы. Доступ к самым прорывным технологиям должен быть ограничен самым решительным образом, в этом я надеюсь получить поддержку уважаемого Виктора Сергеевича, также от вашего ведомства в обозримые сроки хотелось бы получить согласованные частоты для связи. Январь – поиск оптимальных решений, изготовление минимум двух альтернативных вариантов мобильной трубки. Февраль – испытания и утверждение победителя. Март – изготовление опытной партии, комплексные испытания, разработка технологических линий, передача документации на завод, пробная партия трубок. 1 апреля – старт массового производства. Как-то так... – закончил я и тут же поправился, – еще одно замечание, на совещаниях вводится строгий регламент по времени, общий хронометраж любого совещания не должен превышать получаса, выступление каждого оратора – двух минут. Все, что нужно, можно уложить в это время, переливание из пустого в порожнее не допущу. На все причитания и жалобы стандартным ответом будет «а кому сейчас легко?». Вроде все, что хотел, сказал...

Ну на этом конечно заседание не закончилось, выступил и дородный научник из НИИИСа, упиривший все более на преемственность научных исследований, да чтоб взяли из их ведомства все лучшее, да чтоб делились с ними своим луч-

шим, я естественно кивал на все эти речи, сейчас все равно ничего определенного решить не получится, так чтобы споры на пустом месте не разводились. Когда две минуты истекли, осторожно высказался в смысле регламента, научник недоумевающе похлопал глазами, но так и свернул свои речи. Потом еще и Сергеич сказал речь, состоящую из пяти предложений – что дело стартует государственное, поэтому всем надо проявлять бдительность и осмотрительность, а все возможные утечки будут пресекаться самыми жесткими мерами вплоть до... Возражать ему как-то никто не решился. Ну и замыкающим опять поднялся Игоревич, плавно подвел итоги совещалова и назначил следующее заседание уже в новом здании ровно через 2 недели в это же время. В промежутках же предложил обмениваться информацией между собой в рабочем порядке, контакты друг друга всем раздали.

Когда начали расходиться, меня неожиданно поймал за рукав Игоревич и сказал, что пойдём-ка мы поговорим, и её тоже с собой бери. Да я разве против, конечно поговорим, давно не разговаривали, целых полсуток наверно. Он завел меня в кабинет с надписью «Зав. Орготделом Михальчик», кивнул на приставные стулья, садитесь мол. Сели.

– Сергей, – начал он, закурив Мальборо (ничего себе в обкоме живут), – тут такое дело... в общем ты теперь номенклатура ЦК, так что тебе и твоей семье полагаются определенные льготы.

– Вот только сегодня с утра вспоминал, Станислав Игоревич,

вич, а то я уж думал, забыли об этом, – бодро соврал я. – И что там в этот перечень входит? Огласите весь список пожалуйста.

– Оглашаю, – Игоревич нацепил на нос очки, достал из ящика стола папочку и открыл ее на первой странице. – Квартира в номенклатурном доме, раз.

– Не на Минина-1 случайно? – сразу вклинился я.

– Нет, до этого уровня ты еще не дорос, – я сразу обиделся, но ненадолго, – но в 5 или 7 доме пожалуй можно, там как раз по одной квартире сейчас свободно. Далее – персональный транспорт, Волга-24 с шофером.

– Черная? – уточнил я.

– Есть и черные, можешь выбрать. Еще что... пропуск в закрытый распределитель...

– Это как двухсотая секция в ГУМе?

– Да, только поменьше конечно, улица Октябрьская, дом 16. И прикрепление к обкомовской поликлинике, она в конце улицы Минина. Ну что, доволен? – закончил он свою речь.

Я переглянулся с Анютой и ответил:

– У меня просто нет слов, чтобы выразить свою горячую благодарность, вот только...

– Ну что затормозил, выкладывай уже, – подбодрил меня Игоревич.

– Можно мы в своей квартире останемся? Привыкли к ней, как к собаке, все вокруг родное, все вокруг автозаводское... там же сейчас две комнаты пустые стоят, вот отпи-

шите их нашей семье и больше нам не надо никаких улиц
Минина, правильно, Анята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.